

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЮЖЕТА «КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ» В РОМАНЕ «ДЖЕЙН ЭЙР» Ш. БРОНТЕ

Завершинская Елена Александровна

Кандидат филологических наук, доцент, Кулбышевский филиал Новосибирского государственного педагогического университета
lensvet73@mail.ru

TRANSFORMATION OF THE PLOT "BEAUTY AND THE BEAST" IN THE NOVEL "JANE EYRE" BY SH. BRONTE

E. Zavershinskaya

Summary: This article is devoted to the study of the connections of the world plot «Beauty and the Beast» with the novel Sh. Bronte "Jane Eyre". At the same time, the variation of the motif of beauty and the motif of ugliness in the text of the work is considered. The purpose of the work is to identify the parallels of folklore and novel plots, on the basis of which to describe the transformation of the plot "Beauty and the Beast" in the novel of the English writer, to describe the variants of the motives of beauty and ugliness. The research material was a group of fairy tales about a stepmother and stepdaughter, the English version of the fairy tale «Bluebeard» and the text of the novel "Jane Eyre". In the course of comparative study, the variation of the motives of "beauty-ugliness" was revealed, the implementation of the folklore plot in the English novel was considered. Using an analytical method, the author traces the connections of the author's novel with folklore texts, which makes it possible to interpret the famous work in a new way. It is concluded that the novel is based on Sh. Bronte's «Jane Eyre» is the plot of "Beauty and the Beast".

Keywords: motive, plot "Beauty and the Beast", Sh. Bronte, "Jane Eyre".

Аннотация: Данная статья посвящена изучению связей мирового сюжета «Красавица и чудовище» с романом Ш. Бронте «Джейн Эйр». Одновременно рассматривается варьирование мотива красоты и мотива безобразия в тексте произведения. Цель работы – выявить параллели фольклорного и романного сюжетов, на основании чего описать трансформацию сюжета «Красавица и чудовище» в романе английской писательницы, описать варианты мотивов красоты и безобразия. Материалом исследования послужили группа сказок о мачехе и падчерице, английский вариант сказки «Синяя борода» и текст романа «Джейн Эйр». В ходе сравнительно-сопоставительного изучения выявлено варьирование мотивов «красота-безобразие», рассмотрена реализация фольклорного сюжета в английском романе. Используя аналитический метод, автор прослеживает связи авторского романа с фольклорными текстами, что позволяет по-новому интерпретировать известное произведение. Делается вывод, что в основе романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» лежит сюжет «Красавица и чудовища», дополненный вариациями мотивов «красота-безобразие».

Ключевые слова: мотив, сюжет «Красавица и чудовище», Ш. Бронте, «Джейн Эйр».

На протяжении 20 века в литературоведении обсуждался и обсуждается до сих пор вопрос о существовании в мировой литературе ограниченного количества сюжетов: «...люди склонны находить занимательными и, следовательно, рассказывать друг другу одни и те же типы историй» [6].

Сюжет о красавице и чудовище на протяжении веков существует в мировой культуре. Одним из первых наиболее известных реализаций этого сюжета является сказка Апулея об Амуре и Психее. В последующие века в литературе предлагались различные варианты этого сюжета. Пример одной из трансформаций находим в романе Ш. Бронте «Джейн Эйр».

Внимание английской писательницы к сказочным сюжетам отмечали исследователи отмечали неоднократно. Так, например, Э. Васильева отмечает: «Шарлотта Бронте достаточно рано оценила те возможности, которые открывало инкорпорирование известных сказочных сюжетов в реалистический роман» [2].

Сюжет романа можно соотнести с сюжетами несколь-

ких сказок: первая часть романа (с начала повествования и до выхода Джейн Эйр из пансиона) строится по типу сказок о «Мачехе и падчерице». Внутри второй части (Джейн в поместье мистера Рочестера и до конца романа) можно увидеть сюжет двухходовой сказки, строящейся по типу «Красавица и чудовище».

Рассмотрим первую часть. В сказках подобного типа сирота остается на попечении некровной родственницы, чаще всего мачехи, имеющей своих собственных детей. «Мачеха дурно обращается с падчерицей, эксплуатирует ее, изводит, с этой целью изгоняет в лес во власть лесных демонов, которые иногда мыслятся ее родичами», – пишет Е.М. Мелетинский [8, с. 38]. Влелу или каком-либо ином эквиваленте другого мира девушка встречает волшебное существо, которое устраивает ей смертельное испытание. В романе альтернативной сказочному лесу выступает Ловудская школа, которая славится необыкновенно большим количеством детских смертей. Кроме того, голод Ловуда соотносят его с пространством смерти. Роль волшебного существа на этом этапе играет Мисс Темпл – директриса Ловуда: «Ее дружба и общество служили глав-

ным моим утешением – она была для меня матерью, гувернанткой, а в последние годы – и задушевной подругой» – вспоминает Джейн [1].

В сказке о мачехе и падчерице, как правило, есть еще один персонаж, который выступает в роли испытуемого на равных с главным героем, но этого испытания не выдерживает. Если в традиционной сказке – это родная дочь (или дочери) мачехи (лжегероиня), то у Бронте – это подруга Джейн – Хелен Бернс, чье пребывание в школе заканчивается смертью. Хелен нельзя назвать лжегероиней, она вызывает только симпатии, но она не выполняет тех правил и уроков, которые требуют учителя: «...я небрежна, я забываю правила, я читаю, когда мне следовало бы учить уроки, я непоседлива и иногда я вроде тебя говорю, что не способна вытерпеть подчинение строгому распорядку». Именно поэтому ее испытание заканчивается смертью [1].

Итак, первая часть романа – это сказка о сироте. Со сказками типа «Мачеха и падчерица» роман сближает и система персонажей: героиня остается с мачехой в сказке и неродной тетушкой в романе. И у той, и у другой есть собственные дочери, которые помогают тиранить героиню и в сказке, и в романе. Однако в отличие от сказочного сюжета в романе появляется дополнительный персонаж, необходимый для активирования второго сюжета – «Красавица и чудовище» – это Джон Рид: «Ты не смеешь брать наши книги; мама говорит, что ты приживалка», обращаясь к Джейн, говорит Джон [1].

Джон для Джейн становится воплощением ужаса и кошмара: «Джон питал очень мало любви к матери и сестрам, а ко мне – живейшую антипатию. Он издевался надо мной и бил меня. <...> Бывали минуты, когда я совсем терялась от ужаса, который он мне внушал» [1].

Таким образом, оформляется оппозиция Джон – Джейн, и если Джону достается роль чудовища, то следует ожидать, что Джейн достанется быть красавицей. Однако, вопреки ожиданиям этого не происходит. «...он сворачивает шею голубям, убивает цыплят цесарки, направляет собак на овец <...> а меня называют непослушной и дерзкой, злюкой и хитрой тихоней» [1]. По мнению окружающих, Джейн и есть истинное чудовище, что становится причиной ее изгнания в Ловуд. Представление о Джейн мотивируются у окружающих отсутствием красоты в ее внешности: «...будь она хорошей, милой девочкой, как было бы не пожалеть сиротку, да только не такую, не маленькую жабу!» [1].

Таким образом, Красавица вовсе не оказывается красавицей, ее поведение не соответствует сказочным идеалам (добрая, кроткая, терпеливая), а чудовище не зачарованный принц, а избалованный подросток.

Вторая часть романа соотносится с так называемой

полной сказкой, содержащей 2 круга, 2 хода действий. Понятие двухходовой сказки вводит В. Пропп: «Эго одна сказка из двух ходов, основной тип всех сказок. Она очень легко делится пополам» [7, с. 96]. Леви-Стросс обращает внимание на то, что Пропп видит в такой структуре некий архетип, из которого произошли все волшебные сказки [5, с. 433]

Ефимкина Римма Павловна, анализируя сюжет сказки об Амуре и Психее выделяет 2 хода, то есть относит этот сюжет к двухходовым сюжетам: «Например, в сказке «Амур и Психея» героиню увозят на скалу смерти, она успешно проходит испытание и возвращается замужней – это первый круг действий героини. Далее героиня теряет мужа и все приобретенное, проходит второй круг испытаний и, возвратившись, воцаряется – это второй круг действий героини» [3, с. 36]

Подобным же образом строится и роман «Джейн Эйр». Первый ход сказки должен закончиться ложным браком, что и происходит с Джейн: несостоявшаяся свадьба с мистером Рочестером, после которой Джейн теряет все, что имела. Второй ход полной сказки заканчивается настоящим браком: Джейн выходит замуж за Эдварда Рочестера, и живут они долго и счастливо.

В соответствии со сказочным сюжетом типа «Красавица и чудовище» Джейн добровольно отправляется в Торнфильд точно так же, как младшая дочь в сказке добровольно отправляется в замок к чудовищу. Как и в сказке, сначала общается только со слугами, а уже потом с хозяином. В его описании (в восприятии Джейн) подчеркивается физическая сила, отсутствие красоты, манер, некоторая грубоватость, почти животная страсть. Все эти качества, по нашему мнению, можно считать проявлением животного начала в человеке, что соотносится со сказочным чудовищем в облике зверя. Но эти качества не пугают Джейн, у нее зарождаются чувства. Как и в сказке, Джейн покидает Торнфильд, отправляясь к умирающей тетушке Рид и обещая Рочестеру вернуться через неделю, приезжает только через месяц. Однако в отличие от сказки, хозяин оказывается в полном здравии: «Позади остался высокий куст шиповника, протянувший над дорогой зеленые ветки все в алых цветках, и я вижу узкий перелаз с каменными ступеньками и вижу... мистера Рочестера: он сидит там с книгой и карандашом в руках, он пишет» [1].

В сюжете сказки «Красавица и чудовище» испытание должна пройти именно Красавица, а заколдованному принцу остается только ждать: вернется ли она из привычного, родного ей мира. Джейн должна покинуть Торнфильд, подвергнуться разного рода испытаниям (голод, унижение, богатство, возможность выйти замуж за красивого молодого человека) и только после этого получает возможность вернуться к своему возлюбленному.

Эти испытания составляют второй круг романа. Пройдя испытания Джейн возвращается к Эдварду. Поведение Рочестера меняется: он теряет физическую силу, приобретает смирение, молится. Можно сравнить это с потерей звериной сущности заколдованного принца в сказке. Примечательно, что, когда Джейн приезжает к Эдварду, она обращает внимание на те черты в его внешности, которые связывают его с животными: «– Пора вернуть вам человеческий облик, – сказала я, приглаживая его густые, давно не подстригавшиеся волосы. – Как погляжу, вы мало-помалу превращаетесь не то во льва, не то еще в какого-то не менее дикого зверя» [1].

В финале сюжета «Красавица и чудовище» «...героиня обретает мужа-человека вместо зверя и статус его официальной жены, а не гостьи в его доме» [4, с. 27]. Именно так заканчивается история Джейн Эйр.

Еще один сюжет, элементы которого используются в романе – «Синяя Борода». О.И. Тогоева отмечает: «По классификации Аарне – Томпсона эта сказка относится к типу T312 или T312A и является волшебной. ...отдельные ее мотивы и сходные с ней сюжеты обнаруживаются в более ранних произведениях, происходящих из весьма отдаленных регионов» [9, с. 182]. Сюжет, этой сказки можно рассматривать как вариант сюжета «Красавица и чудовище». Писательница прямо упоминает этот сюжет в своем романе: «Два ряда черных плотно закрытых дверей придавали ему сходство с потайным ходом в замке Синей Бороды» [1].

Первая встреча Джейн с мистером Рочестером вызывает в ее сознании образ Гитраша: «...я вспомнила услышанные от Бесси предания, в которых действовал некий северо-английский оборотень, называемый Гитраш» [1].

По нашему мнению, Гитраш соотносится с Синей Бородой: в английском варианте этой сказки Синяя Борода обладает теми же атрибутами и характеристиками, что и Гитраш: гигантские размеры, могучий черный конь, три огромных и сильных дога, встречается на дороге, по-

хищает девушек. Дорога, могучий конь, собака – все это сопутствует и появлению мистера Рочестера. Выстраивается параллель: **Гитраш – Синяя борода – Рочестер**: «...совсем рядом <...> проскользнул огромный пес... Точно таким же было, по словам Бесси, одно из обличей Гитраша – подобие льва с длинной шерстью и тяжелой головой. Однако, вопреки моим ожиданиям, пес пробежал мимо меня, не остановившись, не поглядев мне в лицо жуткими, вовсе не собачьими глазами. И тут появилась лошадь – высокий скакун с всадником на спине» [1]. Перед нами еще одна вариация мотива чудовища, который в реальности таковым не оказывается.

Но если в сказке Синяя Борода губит девушек, выступая в роли настоящего, а не заколдованного чудовища, а спасение жертвы Синей Бороды должно привести к его гибели, то в романе Джейн не только не жертва, но спасительница мистера Рочестера, и, прежде всего его души. Э. Васильева, анализируя роман английской писательницы, убедительно доказывает, что Рочестер в начале романа обладает преступной натурой. Он готов совершить грех двоеженства, следуя только своим желаниям.

Таким образом, в основе романа лежит сюжет «Красавица и чудовище», обогащенный мотивами, заимствованными из сюжетов «Мачеха и падчерица» и «Синяя Борода». Кроме того, сами образы Красавицы и чудовища переосмысливаются Шарлоттой Бронте: в Джейн Эйр постоянно подчеркивается ее внешняя некрасивость, что противоречит сказочным канонам. Образы же красавиц – Джорджианы, Ингрэм – не вызывают симпатий. Варианты чудовища разнообразнее: это, прежде всего, сама Джейн в восприятии ее тети, Джон Рид – обладающий отталкивающей внешностью, ужасающим поведением и закончивший жизнь самоубийством, Сент-Джон – подавляющий волю Джейн ради собственных интересов, и, наконец, сам Рочестер – желающий заполучить возлюбленную любым путем, даже сознательного греха. Ш. Бронте строит роман на известных сюжетах и образах английского фольклора, что позволяет рассказать известные истории на новый лад.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бронте Ш. Джейн Эйр [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://sharlib.com/read_351328-1 (дата обращения 27.04.2023).
2. Васильева Э. В. Джейн Эйр в замке синей бороды: сказочный сюжет в структуре романа Ш. Бронте // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2016. Вып. 1 <https://cyberleninka.ru/article/n/dzhey-n-eyr-v-zamke-siney-borody-skazochnyy-syuzhet-v-strukture-romana-sh-bronte>
3. Ефимкина Р.П. Пробуждение спящей красавицы. Психологическая инициация женщины в волшебных сказках. – М.: Издательские решения, 2019. – 432 с.
4. Ефимкина Р. Три инициации в «женских» волшебных сказках // «Российский гештальт». – вып.4. – М., Новосибирск: 2003. – С. 18-37.
5. Леви-Стросс К. Структура и форма: размышления об одной работе Владимира Проппа // Семиотика. М., 1983. – С. 423-452.
6. Лозинская Е.В. 2010. 02. 001. Адамс дж. Классификации сюжетов и интенциональность [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/2010-02-001-adams-dzh-klassifikatsii-syuzhetov-i-intentsionalnost-adams-j-plot-taxonomies-and-intentionality-philosophy-a-literature> (дата обращения 29.04.2023).
7. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки / Научная редакция, текстологический комментарий И. В. Пешкова. – М.: Лабиринт, 2001 – 192 с.

8. Структура волшебной сказки / Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик, Д.М. Сегал, М.: РГГУ, 2001. – 234.
9. Тогоева О.И. Сказка о Синей Бороде // «Истинная правда»: языки средневекового правосудия. – М.: Наука, 2006. – С. 182-221.
-

© Завершинская Елена Александровна (lensvet73@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

